

Сергей Михайлович Сергеев –
кандидат исторических наук, научный
редактор журнала «Вопросы национализма»

Византизм

как последнее прибежище российской олигархии

Фантом «византизма» нависает над русским самосознанием много веков. Причем тем сильнее, чем дальше от нас в прошлое отодвигается историческая основа этого фантома — реальная империя ромеев. Резкий взлет византофилии в России начался в 30-е годы XIX столетия и достиг своего апогея во время Первой мировой войны, когда мечта Тютчева, Достоевского, Леонтьева, казалось, вот-вот сбудется и Третий Рим, наконец-то, вступит во владение своим законным наследием — землями и столицей некогда павшего Второго Рима.

Сегодня в «охранительских» интеллектуальных и политических кругах этот фантом обрел новую жизнь. Более того, он достаточно активно навязывается широкой публике, в том числе и посредством телевиде-

ния. Достаточно вспомнить нашумевший несколько лет назад документальный фильм архимандрита Тихона (Шевкунова) «Византийский урок». Восточная Римская империя снова объявляется нашей духовной родиной и государственным эталоном.

Но действительно ли византийское влияние было столь могущественным в русском прошлом?

Мифы идеологов и факты истории

Обращаясь к истокам византийского мифа, мы видим, что он основывается, прежде всего, не на академических исследованиях, а на идеологически ангажированной публицистике позапрошлого века — главным образом на знаменитом сочинении Константина Леонтьева «Византизм и славянство». Это важно

Последний византийский император
Константин XI Палеолог

Константин
Леонтьев

отметить, ибо русская византистика достигла значительных результатов несколько позднее — в конце XIX — начале XX веков. То есть Леонтьев в своих декларациях не опирался на какой-либо серьезный научный фундамент, а просто и беззастенчиво пропагандировал то, что ему нравилось.

Нынешние византинофилы тоже не слишком утруждают себя историческими изысканиями, а лишь с теми или иными вариациями повторяют художественно яркие леонтьевские пассажи. О том, что «византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм». О том, что Россия, по сути, есть второе издание империи ромеев, ее сколок, ибо «соприкасаясь с Россией в XV веке и позднее, византизм находил еще бесцветность и простоту, бедность, неприготовленность. Поэтому он глубоко переродиться у нас не мог, как

на Западе, он всосался у нас общими чертами своими чище и беспрепятственнее».

Между тем здесь всё вызывает вполне законные вопросы у любого человека, более или менее владеющего современным инструментарием гуманитарных наук. Через какие конкретные культурные, политические, экономические механизмы происходил трансфер византизма в Россию? Действительно ли она была такой уж *tabula rasa*? Почему отсутствуют сравнительные характеристики главных государственных и общественных институтов России и Византии, из которых стало бы очевидно их тождество?

Вопросы эти, разумеется, не к Леонтьеву, а к тем, которые бездумно повторяют его тезисы, забывая об их критической проверке.

Причем для сомнений в данном случае не нужно быть уж очень подкованным специалистом. Достаточно школьного курса истории и здравого смысла. Василий Розанов не был академическим ученым, но еще в 1892 году в работе «Эстетическое понимание истории», будучи, между прочим, в ту пору горячим поклонником Леонтьева, легко заметил нестыковки в исторической концепции «Византизма и славянства»: «Когда, в какую эпоху мы более всего были проникнуты византийскими началами? Не все ли скажут, что в период государственного созидания Москву? Но если так, почему не в пору своей детской восприимчивости, не при живой Византии и близости от нее мы прониклись этими началами, но в пору недоверчивой замкнутости и уже павшей Византии, разделенные к тому же от нее громадными пространствами и враждебными племенами? Не есть ли византийское происхождение московского склада жизни яв-

ление гораздо более кажущееся, чем действительное?»

Нам не кажется, чтобы Владимир Святой и его дети — Мстиславы Храбрый и Удалой, Роман и Даниил Галицкие, Олег «Гориславич» — носили особенно византийский облик. В эту пору горячей связи, только что восприняв христианство, впечатлительные до переимчивости многого у половцев, мы сохранили, однако, общеславянские черты характера. <...> И вот когда Византия из могущественной и привлекательной империи стала рабыней мусульманства, выпрашивавшей у нас денег при гордых Иоаннах, при Годунове, при первых царях из дома Романовых, мы хотим видеть Россию проникнутой византийскими началами. Не обман ли это, не приписываем ли мы черт глубоко оригинальных и самобытных — заимствованию. <...> Нельзя приписать <...> влиянию византийской Церкви и государства весь склад нашего государства, быта, нравственных и других понятий. В некоторые эпохи здесь было сходство, но не было заимствования, подчинения — или не было его в очень значительной степени».

Розановские аргументы и сегодня звучат свежо. Действительно, Киевская Русь, находившаяся в теснейшей связи с империей ромеев, нимало на нее не походила. Великие князья Московские менее всего напоминают романтиков или декадентов, трудно их заподозрить в горячей приверженности к недавно остывшему политическому трупу, похороненному тем более за тридевять земель. Одно дело — претендовать на его наследие, другое — перенимать его не оправдавшие себя практики. Даже на уровне символов византийские заимствования московских князей были довольно скромными: некоторые современные историки

(Владимир Артамонов, Наталия Соболева, Алла Хорошкевич) считают, что пресловутый двуглавый орел импортирован вовсе не из Восточной Римской империи, а из Священной Римской империи германской нации.

Что же касается главного политического византийского трансфера — самодержавия, то и оно возникает на Руси из иных источников. Прежде всего оно есть следствие определенных исторических обстоятельств и реакции на них московских князей, а вовсе не результат каких-либо влияний. Конечно же, последние имелись и играли немалую роль. Но подражают всегда сильным и успешным, а не слабым и побежденным. Поэтому куда естественнее искать истоки российского самодержавия в ордынском образце (Андрей Фурсов), а в реформах главных зодчих Московского государства — Ивана III и Ивана IV — видеть османский след (Сергей Нефедов). Не все так просто и с самой очевидной частью византийского наследия — православием. С одной стороны, бесспорно, что догматически и канонически русское православие — точная копия византийского. С другой стороны, не раз было отмечено (например, Сергеем Аверинцевым) существенное отличие русской и ромейской духовности, скажем, в определении критериев святости (канонизация князей-страстотерпцев Бориса и Глеба в Константинополе была бы невозможна). Общее место в искусствоведении — не только эстетическая, но и духовная оригинальность древнерусской иконописи периода расцвета в сравнении с иконописью византийской. Крупнейший специалист в данной области Виктор Бычков пишет о «Спасе» Рублева: «Такого Христа не знало византийское искусство».

И уж тем более смешно говорить о том, что византизм мог пронизывать быт низов русского общества, особенно крестьянства, далекого от культуры элиты и официального православия.

А хорош ли образец?

Этот вопрос нынешние византофилы тоже не слишком любят обсуждать, предпочитая пафосные речи о «величайшей тысячелетней империи». Но если внимательно присмотреться к причинам гибели последней, то мы увидим, что главные из них имеют разительное и глубокое сходство с теми недугами, которыми страдает Российская Федерация. Чтобы не быть заподозренным в предвзятости, представлю слово выдающемуся русскому «охранителю» Льву Тихомирову, который в своей «Монархической государственности» высказался о Византии более чем критично. Тихомиров был убежден, что причины падения империи ромеев прежде всего внутренние, а не внешние: «Сила турок могла развиваться только потому, что на это им дало возможность растущее захирение самой Византии. Политическая смерть Византии <...> всецело обусловилась недостатками ее государственной системы».

Что же это за недостатки?

Главный и основополагающий — отсутствие в Византии нации и в этническом, и в гражданском смыслах. С одной стороны, греки, являвшиеся культурно-политическим ядром империи, не были ее этническим большинством. С другой — имперская власть отказалась от взаимодействия с обществом и всячески мешала развиваться институтам самоуправления. Христианство же, будучи духовной скрепой государства, не могло заменить собой развитых горизон-

Василий Розанов

тальных социальных связей. Таким образом, «государство тут строилось не из нации, а образовывало особую правящую корпорацию чиновников-политиканов, которые действовали от имени императора, но в то же время сами создавали императоров». В результате «византийская государственность развила самый крайний бюрократизм». Описание Тихомировым византийской бюрократии, право же, звучит весьма злободневно: «Вместо того чтобы государство пользовалось в управлении содействием местных социальных сил, государство, напротив, своих чиновников сделало исправляющими должность социальных сил. Но разница при этой замене получается та, что, имея свои интересы в службе, чиновничество перестало быть на местах своего землевладения гражданами, не имело надобности заботиться об интересах этих местностей, об их оживлении, социальном здоровье и крепости, а смотрело на них только с точки зрения временного дохода и временной ступени карьеры. Его влияние не сохраняло крепость провинции, а разлагало. <...> Чиновники Византии

Лев Тихомиров

служили усердно государству, но грабить народ не противоречило их патриотизму. Их хищения, дезорганизация всей страны, производимая ими и бывшая причиной того, что провинции рады были иноземному завоеванию, — все это общеизвестно, было это известно и самим императорам. Императоры, в которых жило чувство “служителя Божия”, были полны недоверия к своим чиновникам. Но значение высшей управительной власти неудержимо погружало императора в мир бюрократии, делало его не главой народа, а главой бюрократии». Такая власть не могла не вести к деградации и самого общества: «Каждому начинало казаться, что дело справедливости — какое-то чужое дело, не касающееся его. Постоянное зрелище злоупотреблений и неправды подрывало веру народа в государство, разъединяло его с государством и нрав-

ственно. <...> Оставался жив еще только идеал царя, потому что он связывался с религиозными представлениями. Также и в самом автократоре религиозное чувство, сознание миссии “Божия служителя” поддерживало готовность охранять справедливость. Но возможности на это он имел очень мало. В каждую же минуту испытания, которых у Византии было так много, общая дезорганизация нации и ее разобщенность с государством сказывались самым тяжелым образом».

Империя стала терять лояльность многочисленных этносов, входивших в ее состав, и привлекательность для этносов, живших по соседству: «Византийская государственность не привлекала к себе эти народы, напротив, являлась для них антипатичной, как сила только эксплуатирующая, но не дававшая почти ничего и сверх того сулящая народностям империи только порабощение чиновничеством. Социальные силы всякой провинции, всякой народности при включении в состав империи обречены были на захирение и уничтожение. Но при таком условии самостоятельного стремления быть с Византией, войти в ее состав не возникло и не могло возникнуть нигде. И вот в результате общая схема жизни империи состояла в том, что империя постепенно уменьшалась, теряла область за областью, на минуту кое-что расширяла, но потом опять шла на убыль. Количественная сила империи постоянно уменьшалась. И чем слабее количественно она становилась, тем тяжелее делалось для населения содержать грузную бюрократическую административную машину Византии». В результате империя оказалась неспособной защититься от внешних опасностей — сначала от крестоносцев, потом от турок: «Бюрократиче-

ский слой показал себя тем, чем он был: насквозь прогнившим. Он всегда смешивал государство с самим собой и служил государству, служа себе. Когда государство рушилось, чиновничество показало себя вполне изменческим в отношении нации. Нация же оказалась, во-первых, лишенной самонадеянности, во-вторых, лишенной центров организации, а потому неспособной поддерживать государство, а, во-вторых, в ней проявился полный индифферентизм даже к подержанию такого государства». Что-то не слишком все это вдохновляет...

Суть дела

Так зачем же тогда нам сегодня настоятельно рекомендуют византизм в качестве путеводной звезды, зачем его так идеализируют, раз он вызывает такие неприятные параллели? Ну, собственно, именно поэтому и идеализируют, что параллели очевидны. Дело ведь, в конечном счете, не в исторической империи ромеев как таковой. Дело в типе ее политической системы — восточно-деспотической, — которая гораздо древнее Византии и ею не закончилась. Иные «охранители» предпочитают восхвалять в качестве образца для РФ Золотую Орду. Но это пока что неприемлемо для большинства русских, все-таки смутно помнящих из школьной программы что-то о Куликовской битве. А Византия, несомненно, гораздо благороднее, культурнее — опять же православие, да и Тютчев с Леонтьевым посолоннее Льва Гумилева выглядят. Кстати, о Леонтьеве. Для него Византия тоже не была самоценной, по его творчеству видно, что подробностями византийской истории он особенно не интересовался, византизм был важен для него в качестве некоего символической альтернативы ненавистному «де-

мократическому прогрессу». Политически — это неподконтрольная обществу автократия, религиозно — духовность, которая «отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов», будучи «сильнейшей антитетозой идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной все-свободы, земного все-совершенство и вседовольства».

В других случаях Константин Николаевич с симпатией упоминал «несокрушимую китайскую государственность», «могучее, мистическое настроение Индии», а также социализм, в коем он видел «феодализм будущего». В общем, все что угодно, только не демократия. Похоже, что аналогичная идея владеет и со-

знанием нынешней правящей «элиты» РФ.

Когда-то, когда она шла к власти и ломала мешавшее ей советское наследие, на ее знамени было написано: «Свобода и демократия!» Но теперь, когда она получила все (или почти все), что хотела, когда она чувствует себя полным хозяином страны, ей оказались потребны иные лозунги, говоря словами того же Леонтьева,

Когда нынешняя правящая «элита» РФ шла к власти и ломала мешавшее ей советское наследие, на ее знамени было написано: «Свобода и демократия!» Но теперь, когда она получила все, что хотела, когда она чувствует себя полным хозяином страны, ей оказались потребны иные лозунги. Поэтому «византизм» здесь как нельзя кстати. Точнее, для «избранных» останется либерализм, а «византизм» — это для «быдла».

«все существенные стороны охранительных учений»: «страх», «дисциплина», «предания покорности», «привычка к повиновению». Всего этого в либерализме не найдешь. Поэтому «византизм» здесь как нельзя кстати. Точнее, для «избранных», конечно же, останется либерализм, а «византизм» — это для «быдла». Вряд ли, однако, этот номер пройдет успешно. ☞